

**АНТРОПОНИМНАЯ НОМИНАЦИЯ ПРИАЗОВСКИХ ГРЕКОВ
В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

У статті проаналізовано наслідки впливу російської мовної культури на мовну систему приазовських греків, зокрема на антропонімійну систему, оскільки онімна лексика акумулює матеріальний, культурний, історичний досвід суспільного середовища, в якому вона зароджується і функціонує.

Ключові слова: антропоніми, антропонімійні моделі, гібридні оніми, псевдосуфікси, апелятиви.

The article highlights the impact of Russian culture on language system of Priazov Greeks, its anthroponymic system in particular. The author proves that onym vocabulary accumulates material cultural and historic experience of a certain society from where it is originated and functions.

Key words: anthroponyms, anthroponymic models, hybrid onyms, pseudo suffixes, appellatives.

Как известно, греки, переселившись из Крыма, компактно проживают в Северном Приазовье уже более 230 лет. Приазовские греки неоднородны в языковом отношении: одни из них говорят на румейском языке (близком к северным диалектам новогреческого языка), другие – на урумском, входящем в тюркскую группу языков. Несмотря на столь резкие, исторически сложившиеся, языковые различия, румеев и урумов объединяет своеобразное чувство этнической и культурной общности, принадлежности к греческому этносу. Важнейшим объединяющим фактором служила и служит греко-православная вера.

Более чем двухсотлетнее пребывание румеев и урумов в Приазовье, восточнославянском окружении, не могло не сказаться на их языках, и прежде всего на словарном составе языков. Изучение лексического и отчасти текстового материала румейских и урумских говоров показало, что "заимствования из русского и, в меньшей мере, украинского языков охватывают 10 – 15% румейской и урумской лексики" [7, с. 132]. Активное влияние русского языка на "греческий" обусловлено и экстралингвальными факторами. В частности, в последнее время идет интенсивный процесс языковой ассимиляции как румеев, так и урумов. Родным языком в полной мере владеют представители старшего поколения, причем сфера применения его ограничивается бытовым уровнем. Молодежь же, в основном, перешла на русский язык. Кроме того, развитие науки и техники, культуры, искусства, спорта стремительно вливает заимствования в лексическую систему румеев и урумов, так как их родной язык не справляется с новыми номинационными процессами своими силами. Чтобы придать заимствованиям "свой" языковой статус, они оформляются румейскими, урумскими грамматическими аффиксами, снабжаются специфическими особенностями произношения, новым ударением в соответствии с нормами родной фонетики [7, с. 132- 133].

Языковая ситуация, связанная с греками-румееями и греками-урумами, находит свое отражение в их ономастиконе, в частности в антропонимиконе. Глубокому исследованию топонимов приазовских греков посвящены работы Е.С. Отина, антропонимы являются предметом всестороннего изучения автора данной статьи. Система именования людей в течение веков сохраняет следы древней духовной культуры и в то же время быстро, живо реагирует на изменения внешнего и внутреннего уклада жизни определенной социальной среды. Целью нашей статьи является анализ специфических особенностей национальной антропонимической системы греков, обусловленных явлением межкультурной

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

комунікації в полікультурному просторі Приазов'я, і в частині впливом російської мовної культури на формування і динаміку окремих класів антропонімічних одиниць приазовських греків.

Більше всього впливові російської мовної культури піддался клас особистих імен. Динаміка іменника греків з моменту переселення їх в Приазов'я відзначалася послідовною втратою етнічної ідентичності, в результаті чого якісний склад особистих імен корінним чином змінився. За даними ревизських сказок 1782 г., 1795 г., 1811 г., 1816 г. іменник греків складався не тільки з імен загальнохристиянської традиції, але і імен чистих грецьких (отапеллятивного походження): чоловічі *Акрить, Аминать, Архондїй, Афендул, Кириязи, Ламбрось, Пефти, Трандафіль, Феохар*; жіночі *Анадоли, Аргирія, Кали, Кирамана, Назу, Парфена, Фотина, Хрисафіна* і др. В склад іменника входили і тюркські за походженням імена: чоловічі *Аслань, Диреди, Каракул, Ойдан, Олмезь, Розбек, Сефер, Тохтамышь, Тохтарь, Чолпань*; жіночі *Кулафа, Султана, Султанбіке, Фурси, Чичака* і др. В різних селах чоловічий і жіночий іменники відрізнялися тільки кількісними параметрами, говорящими про переважність тих або інших імен в кожному конкретному соціумі.

З середини ХІХ в. спостерігається значительний спад в використанні імен тюркського і апеллятивного грецького походження. В наше час іменник приазовських греків повністю позбавлений автохтонних, тюркських імен і складається з календарних особистих імен в відповідності з східнослов'янською християнською традицією. Припинив існування як самостійних антропонімічних одиниць, "бувши" особисті імена зустрічаються в структурі сучасних родин греків: *Пефтієв, Кир'язієв, Кирадієв, Челпанов, Ольмезов, Трандафілов, Лефтеров, Акритов* і др. Інтересно відзначити, що носії цих родин (навіть старшого покоління) вже, на жаль, не бачать в них отименого початку.

Надіятися на повернення старих, етнічно позначених імен в іменник приазовських греків, швидше за все, нереально. Один мовний прийом заміняє інший з іншого мови при умові, що це комунікативно вигідно. При цьому сильніше вплив має мовна система більш розвинутого в культурному відношенні, з найбільш широкими соціальними функціями на мову з мінімальними соціальними функціями, якими є румунська, і урумська мови.

Система родин греків Приазов'я має свої особливості. З одного боку, мовна різноманітність в середі мариупольських греків передвизначила склад родинних словників румунів і урумів. З іншого – у румунів і урумів як єдиного етносу є загальний фонд родинних імен, який складає близько 22%. Оскільки якісний склад родин, самі генетичні типи є загальними для даного етнічного ареалу, специфіка імен румунів і урумів проявляється тільки в ступені продуктивності різних типів в межах місцевого антропонімікона.

Родинні словники румунів і урумів, а також окремих населених пунктів в різній ступені піддалися впливу російської антропонімічної системи. Важко ли можна погодитися з Ю.К. Редько в тому, що "кожна родина українця є українською родиною, хоча вона може походити з татарської, польської, румунської, угорської або якого-небудь іншого мови" [4, с. 46]. Родинний репертуар греків формувался не тільки на основі власних імен і "грецької" апеллятивної лексики. Визначену частину складають і запозичені власне російські родини отапеллятивного походження (*Шаповалов, Зайцев, Резников, Соколов, Качалов, Водоп'янов, Малашинський, Коричев* і др.). Вони не мають ніякого відношення до процесу русифікації антропонімів, а є природним наслідком змішаних шлюбів.

Відомо, що родина і ім'я людини звичайно несуть на собі певний етнічний відтінок. Етнічна специфіка антропонімів досить стійка. Тому родини, що містять в своїй структурі урумські суфікси -джи, -чи, -ли, -лу, -сыз, -джа,

-ча осознаются типично "греческими": *Арабаджи, Кечеджи, Куркчи, Халпахчи, Курумли, Куртлу, Хримли, Джансыз, Хулахсиз, Хараджа, Сариджа, Балтача, Танача*.

Межэтнические контакты греков нашли яркое отражение именно в деривационно-морфемной структуре, в форме их фамильных именовании. Отличительной чертой фамильной системы приазовских греков являются "гибридные" фамилии, т.е. фамилии с разноязычными структурными компонентами. Сложившееся уже в Приазовье урумско-/румейско-русское двуязычие привело к русскоязычной адаптации исконно греческих фамилий. Все русскооформленные фамилии греческого населения соответствуют стандартной патронимической модели с суффиксами -ов (-ев), -ин, которые соединяются с основами как онимного, так и апеллятивного типа: *Паниотов, Ставринов, Пейфтиев, Куюков, Сагиров, Узунов, Ясыров, Биатов, Абузов, Айналов, Стреглов, Кирадиев, Ахкозов* и др. В урумском фамильном словаре русскооформленные фамилии составляют 34,5% от общего числа, в румейском – 19%. В урумских населенных пунктах удельный вес этих фамилий колеблется от 92% (Старобешево) и 76,6% (Комар) до 11,4% (Гранитное), в румейских – от 41,5% (Урзуф) до 7,3% (Сартана). Идеальным лексическим материалом для таких "русских" фамилий греков, естественно, служили личные календарные имена, являющиеся общим лексическим фондом для русских и греков-христиан: *Алексеев, Анастасов, Васильев, Давыдов, Ильин, Федоров, Юрьев, Лазарев, Михайлов, Николаев* и др. Число таких фамилий в отдельных населенных пунктах очень высоко (до 40%).

Говоря о фамилиях русского патронимического типа у греков, следует отметить и особенности их создания. При рассмотрении образования собственно русских фамилий, как отмечает Б.О.Унбегаун, "должны получить освещение два момента: 1) образование патронима и 2) превращение патронима в наследственную фамилию" [6, с.8]. По отношению к фамилиям греков эти моменты стираются. Фамилии урумов и румеев созданы по готовому типу согласно канцелярским трафаретам или в результате намеренного переоформления их самими носителями. Будучи патронимическими по происхождению, суффиксы -ов (-ев), -ин являются лишь формальным элементом, вводящим фамилии с любой основой в "русский ряд" и нейтрализующим их этническую особенность. "Фамилии, иноязычные основы которых не вошли в словари русского языка, если они оформлены русскими суффиксами и входят в состав триединого именовании (имя, отчество, фамилия), видимо, также могут считаться русскими" [5, с. 50]. Этому вхождению помогла адаптация застывшего патронимического суффикса -ов/-ев, который "за очень немногим исключением не имел никакой другой функции, кроме функции образования фамилий" [6, с. 18].

Русскооформленные фамилии выступают равноправными коррелятами к первичным, естественным фамилиям-прозвищам греков. Сравните: *Оксюз – Оксюзов, Балабан – Балабанов, Афенка – Афенкин, Джерих – Джерихов, Бояджи – Бояджиев, Долгер – Дюльгеров, Караян – Караянов, Налбат – Налбатов, Демерджи – Демерджиев, Текеджи – Текеджиев* и др.

Особое место в адаптации греческих фамилий в русскоязычной среде занимает псевдосуффиксация. Впервые на псевдосуффиксацию в топонимии обратил внимание Е.С. Отин [3]. Он охарактеризовал ее как "явление, возникающее при освоении славянами иноязычных топонимов, – паронимическое выравнивание их исходных частей с топоформантами системы, которая их заимствовала" [3, с. 41]. Псевдосуффиксы служат тем структурным актуализатором, который включает иноязычный оним в славянский антропонимический тип, делает его "своим среди чужих". Псевдосуффиксы в русифицированных греческих фамилиях появились как аналоги стандартных антропоформантов. Например, корневая морфема исходной урумской или румейской лексемы подвергалась структурной деформации, если имела финаль, созвучную русскому фамильному суффиксу. Так, в антропонимах *Айдин* < айдын "светлый", *Джерин* < джерэн "конь рыжей масти", *Якин* < якын "близкий" элемент -ын, (-эн) был осмыслен как русский патронимический суффикс -ин. При изменении статуса финали, как правило, происходило и перемещение ударения в антропониме, который таким образом еще более удалялся от

апеллятивної основи. Сравните: айдын > *Айдин*, джерэн > *Джерин*, якын > *Якин*. Подробный анализ типов псевдосуффиксальной адаптации антропонимов представлен в одной из наших работ [1].

Греки, наряду с официальной, имеют в быту так называемую "уличную фамилию", наследственное стабильное прозвание, несущее информацию о принадлежности человека к определенному роду [2]. Уличные фамилии – это пласт внутрисельской антропонимии, отличающийся функциональной значимостью в социуме. В повседневном общении для идентификации объекта речи, адресного его именованья, как правило, пользуются, уличными фамилиями, так как их репертуар гораздо богаче словаря официальных фамилий и позволяет четко разграничивать однофамильцев. Уличные фамилии греков восходят к урумским и румейским лексемам, они представляют собой национальный "стерильный" пласт, оставшийся за пределами влияния русскоязычной лексики. Однако и они оказались совершенно не защищенными от сильного влияния стихии русской разговорной речи. Русское население адаптирует уличные фамилии греков к своей семейной системе посредством русских антропоформантов (*Амет – Аметов, Зорум – Зорумов, Холап – Холапов, Кочкар – Кочкаров, Дордур – Дордуоров*). Продуктивным способом русификации уличных фамилий является грамматическое их изменение – оформление неизменяемых урумских лексем русской флексией множ. числа (*Дангалах – Дангалахи, Джалпах – Джалпахи, Шайтанаях – Шайтанаяхи, Колос – Колосы*). Не имеют "русских вариантов" только уличные фамилии с ударным гласным в финали: *Баха, Сома, Язжи, Бузучу, Донску, Сары, Черли, Пефты, Марджа, Чингэнэ, Хара*.

В отличие от родовых прозваний (уличных фамилий), имеющих конечный, замкнутый список, личные (индивидуальные) прозвища являются открытой системой именованья, постоянно пополняемой новыми единицами. Создаются они помимо воли объекта номинации и, как правило, именуют человека в дистантной ситуации, "за глаза", т.е. являются табуированными для самих именуемых. Состав личных прозвищ греков отчетливо являет собой пример межэтнических, связей, межкультурной коммуникации. Они восходят к разноязычному лексическому материалу. Большая часть прозвищ урумов (62%) связана с урумской лексикой. Прозвища румеев базируются на лексике румейского словаря, насыщенного тюркизмами (до 15%). Русские (редко украинские) лексемы лежат в основе почти 40% прозвищных имен урумов и 43% – румеев. Количественное соотношение разноязычных прозвищ отражает не только национальный состав населенных пунктов, а и степень коннотативных возможностей, с точки зрения номинаторов, лексем того или иного языка для создания "ярлыков". Лишь одна группа прозвищ греков не связана с их "национальной" лексикой – прозвища, восходящие к известным семейным антропонимам, многие из которых уже стали интралингвальными или интерлингвальными коннотонимами. Фамилии реальных людей, литературных персонажей, героев кинофильмов работают в качестве прозвищ благодаря энциклопедическому значению каждого из этих онимов: *Кутузов, Чапаев, Пушкин, Моцарт, Борман, Дантес, Махно, Берия, Шельменко, Сусанин, Жаров, Анискин* и др. Связь носителя прозвища со сравниваемым объектом-лицом не имеет реального характера, но с помощью эпонима создаются стойкие мотиванты, образно указывающие на определенный признак денотата.

Одна из особенностей прозвищной номинации у греков – "гибридные" прозвища. Основа урумской или румейской лексемы оформляется русским суффиксом в соответствии с морфонологическими законами русского словообразования: *Вучка* < вуч + к(а); *Юрушка* < юрух + к(а) (чередование звуков); *Чакушка* < Чаку + ушк(а) (наложение, или аппликация); *Царек* < цари + ек (усечение производящей основы); *Мискарик* < миска + ник.

Итак, антропонимия греков, сформировавшаяся в поликультурном пространстве Приазовья, имеет специфическую лингво-этническую природу, обусловленную двуязычием приазовских греков, взаимодействием с русской антропосистемой. Из именника урумов и румеев исчезли автохтонные греческие и заимствованные тюркские имена. Особенностью фамильного словаря греков является наличие в нем большого числа фамилий-гибридов.

Уличные фамилии остались "греческими" по лексической базе, но их формы оказались во власти сильной стихии русской разговорной речи. Личные прозвища открыты для разноязычных компонентов и на лексическом уровне, и на структурном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко В.А. Псевдосuffixы в фамильных антропонимах приазовских греков / В.А. Кравченко // Вестник Донецкого университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2003. – № 1. – С.48 – 51.
2. Кравченко В.А. Уличные фамилии в антропонимиконе приазовских греков / В.А. Кравченко // Розвиток еллінізму в Україні у XVIII – XXI ст.: зб. матеріалів Міжнародної наук.-практич. конференції (21-23 травня 2007р.). – Маріуполь: МДГУ, 2007. – С. 399 – 402.
3. Отін Є.С. До питання про псевдосuffixи в топонімії / Є.С. Отін // Мовознавство. – 1971. – № 4. – С. 41 – 47.
4. Редько Ю.К. Сучасні українські прізвища / Ю.К. Редько. – К.: Наукова думка, 1990. – 215 с.
5. Суперанская А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Сулова. – М.: Наука, 1981. – 176 с.
6. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун / пер. с англ.; общ. ред. Б.А. Успенского. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.
7. Царенко Е.И. Румейско-тюркско-восточнославянское лексическое взаимодействие в условиях Донбасса / Е.И. Царенко // Греки Украины: история и современность: Материалы научно-практической конференции "Греки Украины: поиск и формирование национальной культуры", 9 – 19 февраля 1991г. – Донецк, 1991. – С. 136 – 146.

УДК 811.161.1

Ольга Муравьева
(Киев)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА "ЛЮБОВЬ" В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Стаття присвячена вивченню особливостей метафоричної експлікації концепту "Любов" у російськомовних творах Т.Г. Шевченка. Автор проаналізував характерні особливості метафоричної репрезентації концепту "Любов", які допомагають виявити й описати різноманітні почуття автора, відображені в його творах.

Ключові слова: метафора, метафорична експлікація, концепт "Любов", російськомовні твори Т.Г. Шевченка.

The article is devoted to study of peculiarities of metaphorical explication of "Love" concept in Russian-language works of T.G. Shevchenko. The author conducted analysis of characteristic features of metaphorical representation of "Love" concept, which assist in creating the figural expression of the extent of feelings, which T.G. Shevchenko tried to embody in his works.

Key words: a metaphor, metaphoric explication, "Love" concept, Russian-language works of T.G. Shevchenko.

Особое место в формировании представления чувства любви, его своеобразия, ментальной и национальной характеристики в русской языковой картине мира XIX в. во многом определяется творчеством Т.Г. Шевченко. В русскоязычных произведениях Т.Г. Шевченко широко представлена идея любви как универсальной категории человеческой сущности. Одним из средств, определяющих индивидуальность стиля Т.Г. Шевченко, является метафора, которую мы рассматриваем основным лингвостилистическим средством создания и вербализации концепта "Любовь" в поэзии и прозе Т.Г. Шевченко. На сегодняшний день существует множество описаний различных аспектов языковых